

ВЛАДИМИР ПЕТУХОВ

Демократия и участие: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Двадцать лет трансформации России уже дают некоторое основание считать, что наличие в обществе формальных институтов рынка и демократии еще не означает его «современности», так же как нет жесткой корреляции между появлением указанных институтов и соответствующей социокультурной трансформацией. Несмотря на масштабность произошедших в стране изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор характеризуется многими отечественными и зарубежными аналитиками как общество «переходного типа», перспективы дальнейшей эволюции которого представляются весьма неопределенными.

Финансово-экономический, а затем и политический кризис эту неопределенность только усилил. Прошедшие в стране выборы депутатов Государственной Думы, президента России и последующие за ними массовые протесты перевели давно зревшее в обществе недовольство в открытую фазу. Для многих, в том числе и для некоторых близких к власти кругов, становится очевидным, что комбинация либеральной экономики и элитарной демократии в качестве долгосрочной

стратегии развития страны трудно реализуема и даже опасна. Отсюда объективная потребность трансформации политической системы, а также интерес как общества, так и власти, к «человеческому измерению» демократии, к тому, что принято называть гражданским обществом.

На фоне массовых столичных протестов власть пошла на некоторые верхушечные преобразования, связанные главным образом с либерализацией партийного строительства и возвратом (под присмотром президента) выборности региональных руководителей и, возможно, членов Совета Федерации. Этот вариант модернизации был бы позитивно воспринят населением в середине «нулевых», — но тогда власть, под влиянием высоких цен на нефть, отказалась от серьезных преобразований; сегодня же общество такой вариант уже не устраивает. И в силу отсутствия былого доверия к власти, не говоря уже о партийной системе, и потому, что у современного поколения россиян иные приоритеты. Это прежде всего новое качество жизни и создание возможностей для личностной самореализации.

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич — руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, кандидат философских наук.

Ключевые слова: Россия, демократия, гражданское общество, социальный протест, частные интересы, групповые интересы, демократический процесс.

Соответственно модернизация политической системы должна быть ориентирована на идею общего блага и иметь следующие цели: во-первых, обеспечение подлинной законности и правопорядка; во-вторых, реализацию в полном объеме не только политических, но и социально-экономических прав граждан; и в-третьих, осуществление «разморозки» общественно-политической жизни страны. Возникает, однако, закономерный вопрос: возможно ли — после того, что происходило в стране в последнее время, — раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, ее базовым ценностям и институтам, вовлечь в общественную и политическую жизнь страны?

Дать однозначный ответ на этот вопрос довольно сложно. Анализируя процесс развития демократии в нашей стране, многие специалисты довольно скептически оценивают как современное ее состояние, так и перспективы. В различных международных рейтингах, характеризующих уровень политических свобод, наша страна также находится далеко не на лидирующих позициях¹. Одни объясняют это нарастающей олигархизацией власти, другие — особенностями национального менталитета.

В частности, некоторые исследователи обращают внимание на то, что в России, в отличие от стран Централь-

¹ Так, в 2011 году, по данным журнала «The Economist», политический режим России был признан авторитарным, а уровень ее демократичности оценен на 3,92 балла при том, что индекс стран развитых демократий составлял 10 и более баллов (см. www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2011). И хотя методика подобного рода исследований, равно как и критерии «рейтингования», выглядят часто сомнительными, сам факт дрейфа нашей страны в сторону противоположную демократии не вызывает сомнения не только у международной общественности, но и многих наших сограждан.

ной и Восточной Европы, переход к демократии не сопровождался «революцией ценностей». Запрос на демократию оказался краткосрочным и был обусловлен главным образом осознанием большинством граждан СССР того очевидного факта, что демократические политические режимы в Северной Америке и Западной Европе более эффективны с точки зрения развития экономики и социальных гарантий, чем система, существовавшая в стране на протяжении 70 лет. Но как только выяснилось (а выяснилось это довольно скоро), что демократия сама по себе не гарантирует быстрого роста жизненного уровня населения, не спасает от административно-бюрократического произвола, произошел быстрый откат и обозначилось разочарование в ее ценностях. Такая точка зрения, однако, справедлива лишь отчасти.

Действительно, подавляющее большинство россиян в те годы ассоциировало переход к демократии с надеждами на лучшую жизнь. Но эти надежды отнюдь не сводились лишь к мечтам о потребительском изобилии. Запрос на свободу также был достаточно силен. Не случайно спустя 25 лет после перестройки россияне по-прежнему признают важность реабилитации жертв сталинских репрессий, снятия запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидацию цензуры, демократизацию выборов и т. п. Сами же представления о демократии, особенно в конце 1980-х годов, базировались на мечте (если к идейно-политическому концепту применим данный термин) о справедливо организованном обществе, которое виделось как российский аналог «государства всеобщего благоденствия», органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, силь-

ную систему социальной защиты, а с другой — невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы. Совершенно ясно, что дистанция между этим идеалом и той реальностью, в которой жили люди в те годы, была огромной. Продолжала она оставаться таковой и в последующие годы.

Тем не менее и сегодня, судя по результатам настоящего исследования, россияне имеют если не мечту, то вполне отчетливо выраженное представление о том, что есть общественное благо, и какая модель демократии смогла бы реализовать это благо практически. На прямой вопрос «Какая идея, лозунг в наибольшей степени выражают мечту о будущем России?» две первых позиции заняли «социальная справедливость, сильное государство, заботящееся о своих гражданах» и «права человека, демократия, свобода самовыражения личности». В каком-то смысле этот запрос можно интерпретировать в качестве мечты, причем трудно достижимой, поскольку в нашей стране соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее в свою очередь трансформировать в эффективную дееспособную власть, до последнего времени еще никому не удавалось.

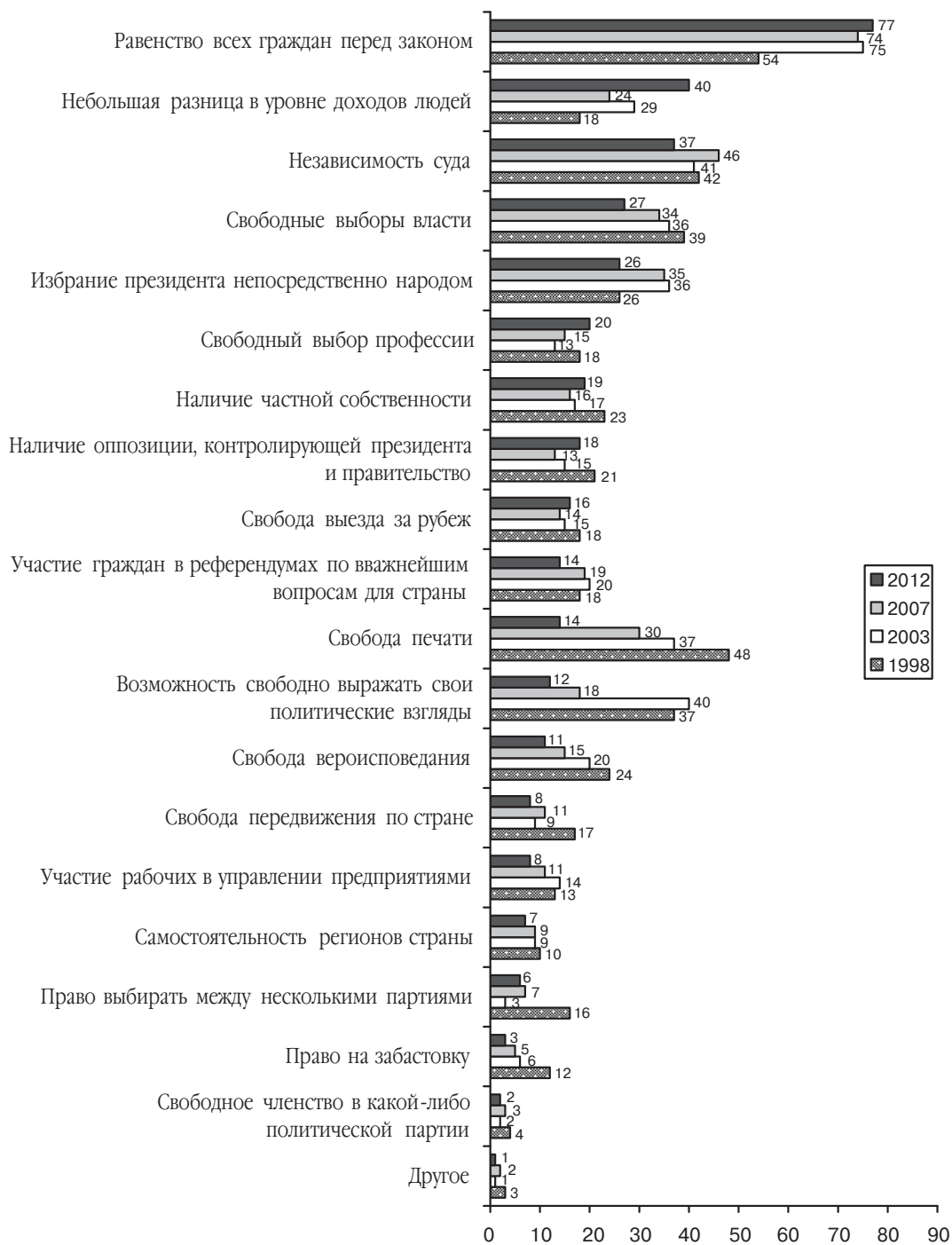
Любопытно, что, когда речь зашла о ключевых слагаемых демократически организованного общества, респонденты отметили в качестве приоритетных те же позиции, только в иной последовательности. На первые два места они поставили (с огромной разницей от всех остальных) «равенство всех граждан перед законом» (эту позицию отметили 77 процентов опрошенных) и «небольшую разницу в уровне доходов людей» (40 процентов). Таким образом, можно констатировать, что желаемая модель общественного устройства и его демократического «оформления» ба-

зируется на двух «китах»: правовой защищенности граждан и социальной справедливости (см. Рис.1).

Причем запрос на правовое равенство как необходимый атрибут демократии был чрезвычайно устойчив все 2000-е годы, в то время как запрос на более равномерное распределение доходов актуализировался лишь в последние годы. Есть все основания полагать, что идея «демократии равных возможностей» в будущем получит еще большее распространение, поскольку она является общемировым трендом, представляя собой новое видение демократии XXI века, главным предназначением которой становится обеспечение индивидуальных и групповых прав граждан — начиная от снижения уровня социального неравенства и заканчивая расширением возможностей политического участия более широких слоев населения, чем это имеет место сейчас.

На фоне указанных слагаемых демократии все остальные, как видно из выше приведенных данных, актуализированы в гораздо меньшей степени. Это относится в первую очередь ко всему «пакету» политических прав и свобод, включая право на выборы в органы власти, независимые медиа, наличие политической оппозиции, а также такие инструментальные права, как участие рабочих в управлении предприятиями, право на забастовку. Снижающийся интерес к некоторым аспектам демократии вполне закономерен и связан с тем, что многие права и свободы стали неотъемлемой частью повседневной жизни страны и не вызывают какой-либо особой озабоченности. Это, например, касается свободы перемещения, выезда за рубеж, свободы вероисповедания, наличия частной собственности, в какой-то степени и свободы СМИ.

Деактуализация же ряда других аспектов демократии обусловлена ины-

Источник: Мониторинговые исследования ИС РАН.

Рисунок 1. «Что из нижеприведенного списка абсолютно необходимо для того, чтобы Вы могли сказать: «Да, это и есть то общество, в котором воплотились мои мечты о демократии?» (в процентах)

ми причинами. Так, снижение интереса к выборным процедурам легитимации власти связана прежде всего с особенностями последних выборных кампаний в Государственную Думу и президента РФ, которые оставили у многих россиян неприятное «послевкусие». Выборы многими начинают восприниматься как формальность если и нужная, то в основном для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают — особого значения не имеет.

То же самое можно сказать и об отношении к оппозиции. Системная, представленная в парламенте оппозиция многими гражданами воспринимается как часть властвующей элиты, роль которой заключается в том, чтобы канализировать общественное недовольство в нужное властям русло. А несистемная оппозиция вызывает пока настороженность. Затухающий же интерес к экономическим правам и свободам можно объяснить лишь невозможностью в нынешней России бороться за эти права легальными, законными способами.

Одновременно с этим нельзя не признавать, что многие права и свободы были в свое время октроированы, то есть «дарованы» свыше, и в обществе не сформировалось эмоционально окрашенное, бережное и даже отчасти религиозное отношение к ним и демократии в целом — как у тех же американцев. Причем не только у рядовых граждан, но и у элит. Как показывает опыт функционирования развитых демократий, именно элите прежде всего необходима вера в демократические идеалы или хотя бы формальное следование демократической процедуре. Передача власти от Ельцина к Путину, а затем от Путина к Медведеву, а теперь опять от Медведева к Путину лишь отчасти напоминала демократическое волеизъявление народа. Именно поэтому общество довольно равнодушно вос-

приняло свертывание в 2000-х даже тех небольших завоеваний демократии, которые были достигнуты ранее.

Это равнодушие можно объяснить лишь тем, что указанный откат до определенной степени компенсировался позитивными сдвигами в уровне и качестве жизни если не всех, то весьма значительных слоев населения. Однако к моменту выхода страны из кризиса в 2010 году надежд у россиян, судя по результатам исследований, заметно поубавилось, а начавшийся было формироваться миф о России как успешной стране, где уже очень скоро большинство населения будет жить так же, как в ведущих странах Европы, начал рассеиваться. Хотя сам кризис, вопреки многочисленным пессимистическим прогнозам, и не привел к социально-политической дестабилизации, он существенно поколебал уверенность значительной части общества в том, что страна в «нулевые» годы избрала стратегически верный курс, который приведет ее рано или поздно к экономическому процветанию и укреплению влияния в мире.

Происходило постепенное осознание, что в стране не все благополучно, а курс, проводимый властями, нуждается если и не в радикальной ломке, то в существенной корректировке. Вместо этого последовала «сентябрьская рокеровка» 2011 года, которая обнажила то, что было видно многим и раньше: концентрация власти на ее верхних этажах при очевидной слабости и неэффективности других «несущих» конструкций политической системы, экономических и социальных институтов является главным тормозом развития не только демократии, но и страны в целом. Как результат — лишь менее трети опрошенных (28 процентов) назвали современную Россию демократической страной. Заметно больше тех, кто так не считает (48 процентов), полагая, что наша страна сегодня столь же далека от демократии, как и 20 лет назад.

Но дело даже не только в том, что общество в какой-то момент потеряло веру в эффективность демократических институтов. Более существенно то, что оно утратило веру в свою способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы. В целом этот скепсис до сих пор не преодолен. Тем не менее появились симптомы, свидетельствующие, что, казалось бы, непробиваемая стена равнодушия большинства наших сограждан ко всему, что простирается за пределами их непосредственной среды обитания, начинает давать трещину. Имеет место хотя и небольшой, но отчетливо выраженный рост и политической информированности наших сограждан о происходящих в стране процессах, и их уверенности в своем праве влиять на власть. Так, в хитросплетениях российской политики сегодня разбираются 40 процентов (против 33 про-

центов в 2005-м) опрошенных. На 8 процентов (с 69 до 61 процента) по сравнению с 2005 годом сократилось число тех, кто согласился с тем, что у них нет и никогда не будет возможности влиять на действия властей. Напротив, 30 процентов уверены в обратном. А еще 20 процентов знают, как эту возможность трансформировать в конкретное политическое действие, то есть сделать так, чтобы их голос был услышан властями. Конечно, эти подвижки пока еще незначительные, но в совокупности с другими факторами фиксируют тренд на рост политического участия (см. Табл.1).

Причем речь идет об участии осмысленном и граждански мотивированном. Как видно из данных, приведенных в Таблице 2, за последние семь лет существенно, почти в два раза (с 25 до 45 процентов), выросло число тех, кто заявил, что участвует в политической жизни, преследуя не свои личные

Таблица 1

**«Вы согласны или не согласны со следующими суждениями?»
(закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции; в процентах)**

Варианты ответа	2005	2012
1. Я достаточно хорошо представляю, что сейчас происходит в политике и текущих государственных делах		
Скорее согласен	33	40
Скорее не согласен	60	50
Затрудняюсь ответить	7	10
2. Такие люди, как я, не имеют возможности оказывать влияние на действия правительства		
Скорее согласен	69	61
Скорее не согласен	26	30
Затрудняюсь ответить	5	9
3. Люди должны активнее участвовать в политической жизни и текущих государственных делах		
Скорее согласен	70	60
Скорее не согласен	19	25
Затрудняюсь ответить	11	15
4. Я понимаю, что делать, чтобы мой голос был услышан, когда речь идет о важных государственных проблемах		
Скорее согласен	16	21
Скорее не согласен	73	62
Затрудняюсь ответить	11	17

Источник: Мониторинговые исследования ВЦИОМ.

интересы и даже не в пику властям, а прежде всего руководствуясь идеями и ценностями общего блага — изменить жизнь к лучшему в своем городе, поселке, стране. Это дорогого стоит, учитывая, что совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не

сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступало в качестве «социального лифта», рассматривалось значительной частью населения, включая активистское, «продвинутое» меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная.

Таблица 2

**«Если Вы участвуете (участвовали) в общественной и политической жизни в течение последнего года-двух, что Вас к этому побуждает?»
(закрытый вопрос, не более двух ответов; в процентах)**

Варианты ответа	2005	2012
Мне это интересно	26	27
Я хотел(а) изменить жизнь к лучшему в своем городе (поселке, селе), стране	25	41
Я хотел(а) решить проблему, которая меня волнует, отстаивать свои права и интересы	16	13
Я хотел(а) помочь людям, которые находятся в трудной ситуации	11	10
Я делал(а) это за компанию, из солидарности с друзьями, знакомыми	7	7
Для меня это способ подработать	6	2
Я хотел(а) оказать влияние на власти, публично выразить им свой протест и недовольство	5	2
Меня попросили люди, которым я не смог(ла)/не хотел(ла) отказать	5	3
Меня принудили к участию, заставили под давлением (угрозой)	1	1
Для меня это способ «выбиться в люди», сделать карьеру	0	1
Так было нужно, из чувства долга	–	–
Не участвую и не участвовал ни разу за последние два года	–	–
Другое	6	3
Затрудняюсь ответить	11	8

Источник: Мониторинговые исследования ВЦИОМ.

Такого рода сдвиги связаны со вступлением в сознательную жизнь нового постсоветского поколения. Как отмечал покойный историк и социолог Д. Фурман, поколение, воспитанное при Советской власти, для психологии которого характерны страхи как перед властью, так и еще больше перед свободным выбором, воспринимаемым как акт, несущий угрозу анархии, естественным образом уходит. Новое поколение имеет уже иной опыт, воспитано в неизме-

римо более свободных условиях. Для послесталинского поколения отсутствие массового террора стало нормой, и именно поэтому оно обрело способность стремиться к большему — к политическим свободам. Точно так же для подрастающего сейчас поколения частная собственность, свобода информации, жизнь без тоталитарной идеологии, возможность поездок за границу, даже многопартийность — «нормальные» элементы мира, в котором оно родилось и

растет, то, что привычно с детства и воспринимается как норма. И переход этого поколения к политической активности в условиях кризиса должен быть мотивирован стремлением к большему, чем то, что оно уже имеет, — к действительной демократии, основанной на честных и реально альтернативных выборах власти².

Заметим, что Д. Фурман писал об этом за два года до известных событий 2011—2012 годов. Возможно, его

² См. Д. Е. Фурман. Политическая система постсоветской России и ее жизненный цикл. — «Россия 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития». М., 2010. С. 194.

оценки излишне комплиментарны в отношении поколения «нулевых», тем не менее фактом является преодоление значительной его частью политической инертности и конформизма, особенно если сравнить эти показатели с ситуацией пятилетней давности. Так, в возрастных группах 18—24 и 24—34 лет на 11 процентов сократилась доля политических «пофигистов» и на 10—11 процентов выросло число интересующихся политикой, достигнув соответственно 37 и 46 процентов. Хотя и произошло это на фоне повышающего тренда во всех остальных возрастных группах (см. Табл. 3).

Таблица 3

Уровень интереса россиян к политике (в процентах)

Варианты ответа	Интересуюсь (безусловно интересуюсь, скорее интересуюсь)		Не интересуюсь (скорее не интересуюсь, совершенно не интересуюсь)		Затруднились ответить	
	2007	2012	2007	2012	2007	2012
Годы						
Всего опрошенных	42	51	54	42	3	7
	Возраст, лет					
18—24	27	37	67	58	5	6
25—34	37	46	59	48	4	5
35—44	45	52	53	41	2	7
45—59	48	54	49	48	3	8
60 лет и старше	47	63	50	31	3	6

Источник: Мониторинговые исследования ВЦИОМ.

Активизация молодежи обусловлена многими причинами, в том числе естественной сменой поколений, включая давно назревшую ротацию политической элиты. Но не только этим. Сказываются и другие, прежде всего социальные, факторы. Так, в отличие от США, где заработная плата работников растет до 55 лет, в нашей стране, по оценке Р. Капелюшникова, накопление человеческого капитала фактически завершается

к 35 годам, когда заработки достигают пика³. Единственным выходом из такой ситуации для многих представителей так называемого креативного класса становится смена работы путем перехода в сегмент с большой заработной платой даже за счет нисходящего квалификаци-

³ См. Р. И. Капелюшников. Записка об отечественном человеческом капитале. — «Отечественные записки». 2007. № 3.

онного уровня. Все это, безусловно, вызывает недовольство, а иногда — и открытый протест. Особенно, когда возникает ощущение (а возникает оно у очень многих на рубеже 30—35 лет), что карьерная лестница, по которой мечтали забраться на максимально возможную высоту, давно уже втянула за собой тех, кому удалось забраться по ней раньше. Одной из причин, выводящей внешне благополучную молодежь на улицы российских городов, является пугающая перспектива многолетнего застоя с резким сужением качества жизни, возможностей личностной самореализации.

Миллионы же других молодых людей, особенно учащаяся молодежь, даже об этом не могут мечтать, зарабатывают себе на жизнь, что называется, «по-бразильски», то есть перехватывая время от времени случайную, краткосрочную работу без каких-либо социальных гарантий. Более того, наметилась тенденция, что этот тип заработка у многих продолжается и после окончания учебы. Особенно это характерно для Москвы, где значительную долю молодежи составляют приезжие, и, соответственно, масштаб и разнообразие «нестандартных» форм занятости столь велик, что начинает восприниматься как норма трудовых отношений.

Наша столица за последние пять-семь лет, как «пылесос», вобрала в себя весьма значительную часть активной, амбициозной молодежи из других регионов страны и очень быстро из сонного, сытого, спокой-

ного города стала городом сверхполитизированным — во всяком случае по сравнению с другими регионами страны. Примерно то же самое, возможно в чуть меньших масштабах, происходит в Санкт-Петербурге. Сегодня в мегаполисах 89 процентов опрошенных в той или иной степени интересуются политикой и лишь 6 процентов — не интересуются. 67 процентов имеют

Сегодня в мегаполисах 89 процентов опрошенных в той или иной степени интересуются политикой и лишь 6 процентов — не интересуются. 67 процентов имеют в своем непосредственном окружении людей, интересующихся ею. Такое невозможно было себе представить еще пять—семь лет назад, когда само слово «политика» вызывало у многих москвичей лишь презрительные усмешки.

в своем непосредственном окружении людей, интересующихся ею. Такое невозможно было себе представить еще пять—семь лет назад, когда само слово «политика» вызывало у многих москвичей лишь презрительные усмешки.

Сейчас мы наблюдаем обратный процесс. Возник буквально взрывной интерес к разнообразным неформальным формам низовой самоорганизации, волонтерства, движений «одного требования», что свидетельствует о начале не формального, а реального струк-

турирования гражданского общества. В нашей стране происходит то, о чем А. Турен и Р. Инглхарт писали в конце 1990-х годов применительно к европейским реалиям⁴: отказ общества служить дисциплинированным «войском» политиков, выражаемый в стремлении людей доводить общественные требования напрямую, благодаря отделенным от государства и партий общественным движениям. Это открывает путь в политику и новым субъектам, и целой плеяде молодых гражданских активистов, многие из которых уже в ближайшее время станут и уже становятся известными стране политиками.

Понятно, что подобного рода настроения локализованы пока в основном столицами и характерны для меньшинства населения (25–30 процентов). Но в современном информационном обществе это уже не имеет принципиального значения. Сегодня максима В. И. Ленина — «политика там, где миллионы» — уже не столь актуальна, как ранее, она перестает быть основополагающим критерием уровня зрелости и развитости политических и гражданских инициатив. Ныне даже маленькие группы активистов, благодаря современным средствам коммуникации, могут оказывать заметное влияние на жизнь страны, свидетелями чему совсем недавно были не только мы, но и весь мир. Кроме того, фиксируемое массовыми опросами снижение интереса к «большой политике» сопровождается, особенно в молодежной среде, латентной политизацией значительных сегментов разного рода субкультур, неформальных движений.

Скажем, несистемная оппозиция — благодаря наличию в ее рядах большо-

го количества известных писателей, музыкантов, журналистов, актеров — способна компенсировать спад уличной протестной активности организацией публичных встреч, дебатов, лекций, концертов, поддерживая тем самым интерес к актуальной для них политической повестке и деятельности оппозиции в целом. Самый яркий пример — ситуация вокруг «Pussy Riot», когда контркультура, смыкающаяся с политикой, была воспринята значительной частью публики как нечто прогрессивное, противостоящее архаике провластных сил и институтов. В этом же ключе следует рассматривать «наведение мостов» рядом известных политиков с многочисленными гражданскими движениями, представители которых были замечены на последних акциях протеста. Речь идет, прежде всего, о многочисленных «движениях одного требования»: «синих ведерках», обманутых пайщиках и дольщиках жилищных пирамид, экологах, защитниках архитектурного наследия и т. п.

Другим, не менее существенным сдвигом в общественных настроениях является постепенное осознание значительным числом россиян того, что демократия — это не только разнообразные свободы, причем часто декларативные, но прежде всего работающие институты, эффективность которых должна определяться реальным *обеспечением гражданам равенства возможностей*, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий. Между тем, как видно из ниже приведенных данных, эти возможности за годы так называемых реформ если и увеличились, то отнюдь не для всех и даже не для большинства населения, а в основном *для узкого круга людей* (см. Рис. 2).

⁴ См.: А. Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998; Р. Инглхарт. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество. — «Политические исследования». 1997. № 3.

Источник: Исследование ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» М., 2011.

Рисунок 2. Оценка респондентами изменений в 2000-е годы возможностей улучшения жизненного уровня, занятия бизнесом, профессионального роста, общественно-политического участия (в процентах)

Иными словами, россияне четко фиксируют «элитарную» природу российского капитализма и российской демократии, когда некоторый рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей», особенно для молодежи. Обращает на себя внимание и то, что повышенный уровень пессимизма в оценках возможностей для большинства людей заниматься предпринимательской деятельностью, и особенно участвовать в общественной и политической жизни общества, отличает сегодня жителей двух столиц. Обе эти сферы — и предпринимательство, и общественно-политическая жизнь — тесно связаны с вопросами административной регламентации. По всей видимости, именно ее избыточность в Москве и Санкт-Петербурге во многом и определяет этот пессимизм. Это косвенное свидетельство того, что в этих городах сформировалась база

для протестных настроений людей, имеющих потребность и запрос на свободу общественно-политической деятельности. До поры до времени этот запрос носил латентный характер, но в конце 2011-го — начале 2012 года многие жители обеих столиц открыто заявили о своем недовольстве свертыванием многих демократических прав и свобод, прежде всего права на свободное волеизъявление в ходе выборов. Однако в других регионах страны протестный порыв москвичей подхвачен не был.

Большая часть населения по-прежнему остается политически индифферентной, в лучшем случае со стороны наблюдая за тем, что происходит в стране. Причины сохраняющейся апатии российской глубинки многообразны, и одна из них состоит в том, что в пореформенной России так и не сформировалась институциональная среда гражданского общества. А то, что сформировалось — например многочисленные НКО, являющи-

еся в большинстве своем «агентами» влияния местного чиновничества и аффилированных с ними бизнес-структур, которые шагу не ступят без грантовой подпитки, — к подлинному гражданскому обществу имеют весьма отдаленное отношение. Постоянно снижающиеся показатели уровня доверия к этим институциям — весьма отчетливое свидетельство тому. Так же, как и стремление многих наших сограждан общаться с властью, доводить до нее свои требования без посредников.

На этом фоне отнюдь не случайным выглядит бурный процесс формирования внеинституциональных форм самоорганизации, которые создаются и действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии, связанный с бурным развитием Интернета и социальных сетей, в XXI веке будет более важен, чем институциональный. Другие же относятся к новым интернет-технологиям довольно скептически и даже настороженно, усматривая в них своеобразное проявление «нового деспотизма», то есть изоцирено-рафинированных форм отчуждения от власти, манипулирования общественным мнением и имитационных форм участия⁵.

Безусловно, мобилизационный потенциал социальных сетей, как показали события лета—осени 2012 года, оказался явно переоцененным. Но по меньшей мере в двух аспектах роль Интернета для российского общества оказалась чрезвычайно важной. Во-первых, он разрушил (хотя бы до некоторой степени) монополию влияния электронных медиа, индустрии развлечений и массовой культуры на умы людей и тем самым вернул вкус и

интерес к публичной политике, спорам, дискуссиям, обмену мнениями значительной части населения, прежде всего городской молодежи. Во-вторых, он дал толчок многим отнюдь не виртуальным гражданским инициативам (например, сбору средств пострадавшим в Крымске), позволил «высветить» реакцию властей на многие проблемы, волнующие общество.

Некоторые наблюдатели связывают причины социальной апатии большинства населения также с более или менее благополучной экономической ситуацией в стране, некоторым ростом доходов если не всех, то значительных слоев населения и, следовательно, отсутствием объективных оснований для открытого выражения недовольства. Между тем в минувшем году, когда и объективные показатели социально-экономической сферы внушали умеренный оптимизм, и настроение людей было в принципе неплохое, началась волна массовой протестной активности, что еще раз подтверждает известную социологам закономерность, согласно которой между уровнем участия, включая протестное, и социальным самочувствием масс нет прямой зависимости. Все это позволяет посмотреть на новую волну политической активности как на стремление части общества (преимущественно молодой, активной и не самой бедной), которая решила для себя проблемы ежедневного выживания, искать чего-то большего, в данном случае — политических, экономических и информационных свобод, движения на пути к главенству закона, более открытого стиля отношений между обществом и властями. Но эти группы составляют меньшинство, по разным оценкам, не более 25—30 процентов населения.

Большинство же наших сограждан, около 70 процентов, — и это, пожалуй, самое главное, — не видят или не хотят видеть взаимосвязи и взаи-

⁵ См. Ю. Красин. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М., 2009. С. 142—149.

мообусловленности социально-экономических и политических прав и свобод, того, что именно уровень развития демократии в стране в конечном счете определяет возможность честно работать, хорошо зарабатывать, и соответственно, хорошо жить. Кроме того, ряд экспертов обращают внимание на то, что в России крайне слабо выражена такая важная первооснова любых форм активности, включая политическую, как общественная солидарность. Некоторые социологи объясняют это наследием советской эпохи, сформировавшей такой тип работника, который сам по себе способен вызывать восхищение преданностью своему предприятию, отождествлению себя с ним, но которому в новой капиталистической реальности только предстоит пройти школу социальной борьбы и самоорганизации.

Другие авторы усматривают причины этого в дефектности самой современной модели демократии, причем не только российской, с ее неспособностью служить справедливости, защите от экономической эксплуатации, социальной дискриминации и политического угнетения, снижения уровня неравенства в обществе, облегчения доступа к благам культуры и образования⁶. Настоящая, а не формальная демократия, как свидетельствует мировой опыт, предполагает также более равномерное распределение богатств и ресурсов, чем это имеет место в современной России, и контроль за экономической деятельностью крупных корпораций со стороны общества в тех случаях, когда эта деятельность способна нанести вред человеку и окружающей среде.

Ложно и слишком буквально понятый лозунг «священности и неприкос-

новенности частной собственности» не раз приводил не только к череде катастроф с многочисленными человеческими жертвами, но и обуславливал абсолютную закрытость и непрозрачность корпоративного сектора и рынка труда. Между тем в мире накоплен огромный опыт правовых, политических форм воздействия на экспансионизм крупного бизнеса. В современной же России, где сращивание крупного бизнеса с властью достигло невиданных размеров, создать их так и не удалось. Характерно и то, что российская оппозиция, за редким исключением, игнорирует социальные требования трудящихся и при этом недоумевает, почему российская глубинка до сих пор еще не присоединилась к столичным акциям протеста.

Так или иначе, но реальность такова, что в обществе не сформировался механизм перевода многообразных индивидуальных, групповых, прежде всего экономических, интересов на язык общезначимых проблем. Поэтому и не возникает «связки» между социально-экономическим и политическим участием россиян — даже в тех случаях, когда затрагиваются их коренные социально-экономические права. Судя по имеющимся данным Росстата, других служб, количество забастовок сократилось с 6 тысяч в 2004 году до почти 200 в 2012-м. Из них: «стоп-акций», то есть забастовок, приводящих к частичной или полной остановке предприятий, еще меньше — 80—100⁷.

Такое невиданное сокращение числа забастовок часто объясняется чисто формальными причинами из-

⁶ См. **Б. Г. Капустин**. Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир. — «Русский журнал». 09.11.2011.

⁷ См. мониторинг ЦСП: трудовые протесты в России. 16.11.2012. — www.trudprava.ru/index.php?id=2207

менения методики подсчета: с 2007 года стали учитываться только те акции трудящихся, которые проводятся в полном соответствии с Трудовым кодексом. Но тенденция очевидна: принятие данного кодекса *сделало фактически не реализуемым право граждан на забастовку в законных, легальных формах*. Тем более что подавляющее большинство официальных профсоюзов «играют на стороне работодателей». Например, довольно крупная, по российским меркам, забастовка 500 рабочих Байкальского ЦБК не была поддержана местным профсоюзом на основании того, что участники акции несвоевременно уведомили руководство предприятия о готовящейся акции. Письмо же рабочих, направленное за месяц до начала забастовки в адрес губернатора, Президента РФ, «профсоюзные боссы» таким уведомлением не сочли⁸. Не случайно массовые выступления, которые получали широкий резонанс (Пикалево, Междуреченск и т. п.), «разруливать» приходилось высшим руководителям государства в ручном режиме.

Как показывают исследования, сегодня россияне в массе своей даже менее «боевиты» в отстаивании своих прав в случае гипотетического ухудшения ситуации в стране, чем пять-семь лет назад. О своей готовности участвовать в мирных, разрешенных властями митингах, пикетах и демонстрациях заявляют чуть менее трети опрошенных (семь лет назад — 46 процентов). В два раза меньше готовы участвовать в акциях гражданского неповиновения (отказ платить налоги, квартплату и т. д.) и несанкционированных властями митингах и демонстрациях. И это лишь на первый взгляд выглядит парадоксальным. Одно дело декларировать свою готовность протестовать, ког-

да в стране или конкретном регионе все спокойно и тебе лично ничто не угрожает, и совсем другое, когда ситуация реально обостряется, когда за выход на улицу можно «схлопотать» 15 суток, а то и «двушечку». Сказывается и то, что за последние десятилетия люди накопили такой, как правило, индивидуальный опыт выживания в самых экстремальных условиях, что даже трудно себе представить, что может сподвигнуть их на активный протест и обеспечить «связку» политического и социального действия.

Вряд ли его «триггером» (термин М. Дмитриева) может стать новая волна кризиса. Столь же маловероятным представляется существенный рост политической активности (на что делает ставку часть оппозиции) в ходе разного рода выборов, в частности предстоящих выборов в Московскую городскую Думу и мэра Москвы.

В современной России есть только одна проблема, способная «зацепить», консолидировать богатых и бедных, столицы и провинцию, молодых и старых, и тем самым политизировать общество, — это страх за настоящее и будущее детей. Россия чрезвычайно «чадолюбивая» страна, уступающая в этом, пожалуй, только Японии и Израилю. И начавшаяся широким фронтом «оптимизация» всего, что имеет какое-либо отношение к интеллектуальной деятельности и образованию, — Академия наук, высшая школа, прежде всего ее гуманитарный компонент, среднее и дошкольное образование, уже сейчас беспокоит многих. Причем не только занятых в этих сферах, но и многочисленных обычных «пользователей» образовательных услуг, мечтающих «вывести своих чад в люди».

Характерна в этом отношении реакция главы ассоциации предпринимателей «Новое дело» М. Дворковича на возможное закрытие столичным департаментом Московского детско-

⁸ См. там же.

го театра эстрады, где обучается театральному мастерству его дочь. Реакция эта проста и незамысловата: «За своих детей я всех порву». Если и дальше Государственная Дума и министерства образования и культуры продолжат выдавать «на гора» свои весьма экзотические планы «реструктуризации» подотчетных им институтов, а сенатор Торшин будет продолжать настаивать на депортации русских детей-сирот на Северный Кавказ, «политизация» социального недовольства весьма вероятна.

Но, учитывая высокий уровень зависимости этих сфер от государства, разнонаправленность интересов, а иногда недовольство друг другом, условно говоря, «продавцов образовательных и смежных с ними интеллектуальных услуг» и их «потребителей», ожидать масштабных, солидарных действий, к которым могли бы подключиться ведущие политические игроки, не приходится. Каждый, как и раньше, будет биться за себя самого. Кроме того, Россия — не Америка, где реформы здравоохранения и образования являются центральными темами президентских избирательных кампаний. В России же они не считаются политически значимыми. Вот менять каждые пять лет формат избирательных систем — это политика; а реформа образования — в лучшем случае предмет для обсуждения на парламентских слушаниях или в Общественной палате.

В целом же, если говорить об обозримой перспективе, наиболее вероятным представляется спад протестной активности при одновременном росте гражданских, волонтерских формы участия. Реже — возможны спонтанные выплески социальной агрессии, особенно в глубинке, где крайне сложно «достучаться» до властей. Соответственно *ключевым аспектом современной демократической «повестки дня» становится пробле-*

ма структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним.

В ее решении наметилось два принципиально разных подхода. Первый, продвигаемый в основном некоторыми экспертами из академической среды, предполагает концепт своеобразной конвергенции государства и гражданского общества, в том числе путем инкорпорирования гражданских институтов во властные структуры, особенно на местном уровне⁹. Второй, прямо противоположный, — их «развод», выстраивание альтернативных государству институтов и структур, формирование своеобразного «гражданского общества-2».

Парадоксальность нынешней ситуации состоит в том, что готовность переложить бремя ответственности за решение многих жизненно важных, прежде всего социальных, проблем на «институты гражданского общества» демонстрирует и власть, поскольку это могло бы, например, «разгрузить» государство, решить за счет молодой, инициативной части населения проблему кадрового голода, существующего во многих органах местной власти, и одновременно разделить со многими своими нынешними критиками ответственность за положение дел в регионах. Но при этом важно учитывать, что, во-первых, «живое творчество масс» при всем желании не может и не должно заменять собой работающие государственные институты. И во-вторых, социальное участие не может осуществляться исключительно на общественных началах — рано или поздно оно требует подключения финансовых и административных ресурсов. А эти ресурсы, в свою очередь, неизбежно

⁹ См. Л. Никовская, В. Якимец, М. Молокова. Гражданские инициативы и модернизация России. М., 2011. С. 51.

конвертируются во влияние уже политического характера.

Важно, чтобы не возникали конфликты по разделу сфер влияния, чтобы каждый занимался своим делом. С этой точки зрения сегодня успешны именно те общественные формирования, которые в силу своих возможностей пытаются «принудить» власти выполнять их прямые обязанности. Речь идет прежде всего об уже упомянутых многочисленных «движениях одного требования»: тех же «синих ведерках», обманутых пайщиках и дольщиках жилищных пирамид, экологах, защитниках архитектурного наследия и т. п. Такого рода движения открывают путь в политику новым субъектам, предлагают для обсуждения новые проблемы и ценности. А это чрезвычайно важно, учитывая, что дефицит интеллектуальной среды, в которой рождаются новаторские и стратегические идеи, вырастают политические деятели и высококлассные управленцы, — одно из главных препятствий дальнейшей демократизации общества. Таким образом, политизация гражданских инициатив на каком-то этапе неизбежна.

В связи с этим нельзя пренебрегать, как это делают многие гражданские активисты, еще сохраняющимися механизмами парламентской демократии, прежде всего выборами. Тем более что предстоящая, в силу естественных причин, ротация политической элиты делает неизбежным приход во властные структуры большого числа гражданских активистов. Есть все основания полагать, что к следующему выборному циклу Россия будет иметь иную, чем сейчас, конфигурацию партийно-политической системы, где наряду с традиционными, вертикально интегрированными партиями с фиксируемым членством, «партийными ячейками», лидерами и т. п. могут появиться более гибкие

образования, в большой степени отвечающие потребностям нынешнего поколения россиян.

Это могут быть своеобразные «общественно-партийные холдинги», «партии одного требования» и т. п., в которых тон будут задавать не партийные функционеры, а гражданские активисты, и деятельность которых не будет ограничиваться лишь участием в выборах. А индифферентность многих активистов, особенно молодых, в отношении прошлых идеологических войн позволит сформировать альянсы, конвенции, которые еще лет пять назад казались немыслимыми. Например, альянс несистемных «левых» и значительной части оппозиционно настроенных либералов. Причем он будет носить не только тактический характер, но может стать до некоторой степени и выражением «лево-правового» запроса значительной части общества на свободу и справедливость, а также неприятия как либеральным, так и левым электоратом российской версии «капитализма для “своих”».

Итак, ключевым направлением современного этапа становления российской демократии является развитие многообразных форм самоорганизации, политического участия, призванных запускать и поддерживать в надлежащем тоне механизм перевода частных, групповых, зачастую трудно сочетаемых друг с другом, интересов наших сограждан на язык общезначимых проблем. Но для этого чрезвычайно важно вернуть обществу в какой-то момент потерянную веру в эффективность демократии и ее институтов, а также в свою способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы. ◆